
И. Ф. ГОЛУБЕВ

Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа

Николай Гаврилович Спафарий (Милеску), видный молдавский деятель XVII в., вынужденный по политическим причинам покинуть свою родину, приехал в Россию 28 мая 1671 г. сначала в Смоленск, а затем 3 июня этого же года — в Москву. До приезда в Россию он долго скитался по Европе, был в Польше, Италии и других странах. Спафарий был хорошо образованным человеком для своего времени. Знал греческий, латинский, славянский, итальянский, турецкий и арабский языки. Указом царя Алексея Михайловича Спафарий 14 декабря 1671 г. был назначен в Посольский приказ главным переводчиком с греческого и волошского языков. Вместе с тем он занимался и литературной деятельностью, как составитель и переводчик ряда исторических книг. В 1675 г. Спафарий возглавил посольство в Китай. О своей миссии он составил содержательный отчет и описание всего пути по Сибири, Монголии и Китаю. В России Спафарий прожил до конца своей жизни (ум. в 1708 г.).¹

В Москве ко времени приезда Спафария жили и работали уже заслужившие известность своими литературными трудами и деятельностью в духовной жизни России во второй половине XVII в. Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид, митрополит газский. Как ученые богословы они были привлечены церковным собором 1664—1666 гг. к участию в обличении взглядов «ревнителей древнего благочестия» и в осуждении патриарха Никона. В этой связи ими были написаны или переведены на русский язык богословские сочинения, получившие одобрение церковного собора. Симеон Полоцкий, кроме того, был уже признанным стихотворцем, автором большого числа виршей на разные случаи и темы.

Из этих деятелей Спафарий еще до приезда в Москву мог встречаться с Паисием Лигаридом в Молдавии и иметь сведения о его связях с Римом, о его участии в католических службах в костелах в Польше, куда Паисий был вынужден уехать из Молдавии, что было известно в церковных сферах Востока. Знали об этом и московские власти от иерусалимского патриарха Досифея, опасавшегося вредного влияния Паисия на дела русской церкви. Спафарий по приезде в Москву сообщил в «распросе» в Посольском приказе неблагоприятные сведения, наводящие тень на Паисия. Но в 1671 г. Паисий Лигарид еще пользовался влиянием в Москве и лишь позднее постепенно лишился доверия царя и церковных властей.

¹ См.: История Молдавии, т. 1. Кишинев, 1951, стр. 250—251.

Из опубликованных документов о Спафарии — *расспросных речей*, челобитных его, указов о нем царя и других материалов, относящихся ко времени как до его службы в Посольском приказе, так и позднее, можно узнать лишь о его встречах с возглавлявшим Посольский приказ А. С. Матвеевым, с которым у него даже установились дружеские отношения.²

О встречах и беседах Спафария с Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким ничего нет ни в документальных материалах, ни в литературных источниках.³ Надо все же предполагать, что приезд Спафария в Москву рано стал известен и Полоцкому, и Епифанию и что они встречались с ним и беседовали. Наше предположение подтверждает публикуемая здесь запись одной встречи и беседы Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием в Москве 12 ноября 1671 г. Запись этой беседы обнаружена нами в рукописном сборнике № 1752, хранящемся в Государственном архиве Калининской области (ГАКО).⁴

Список «Беседы» содержится в рукописи на лл. 233—237, писан скорописью начала XVIII в.⁵ В конце текст «Беседы» несколько пострадал, так как верх и левый верхний край л. 237 оторваны.

Поиски списков «Беседы» по другим рукописным собраниям, как центральным, так и областным, оказались безрезультатными. По-видимому, наш список пока является единственным, и поэтому опубликование его вполне оправдывается.

² См. статьи: П. Сырку. Николай Спафарий до его приезда в Россию. — Записки Вост. отд. Российск. археол. общ., т. III, вып. 3, СПб., 1889; И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. — Сборник Истор.-филол. общ. при Инст. кн. Безбородко в Нежине, т. 1, Киев, 1896, стр. 1—40; Ю. Арсеньев. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). — УОИДР, 1900, кн. 4, стр. 1—63; История Молдавии, т. 1, стр. 250—252; Д. Урсул. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955; И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — Книга. Исследования и материалы. Сборник XVIII. М., 1963, стр. 179—244. Приношу глубокую благодарность Н. П. Розову за помощь в подготовке данной статьи.

³ См., например, работы: И. Татарский. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования по истории просвещения и влиятельней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886; А. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889; И. Ротар. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. Киев, 1901; А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московск. гос. заочн. пед. инст., т. 1, 1958; И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, Подготовка текста, статьи и комментарий И. П. Еремина. (Серия «Литературные памятники»), М.—Л., 1953, стр. 223—260.

⁴ Рукопись сборника в 4-ку, на 284 листах. На л. 240 запись владельца: «Сия книга Луки Митина». Сборник составлен из печатного «Синописа» Иннокентия Гизеля, издания 1674 г., и из тетрадей, писанных полууставом и скорописью разными почерками в конце XVII—первой трети XVIII в., и содержит, кроме указанной записи беседы, следующие статьи: «Александрию» сербской редакции, легендарное «Написание» на камне над гробом царя Константина, впрши Симеона Полоцкого на рождение Петра Первого, переводную «Повесть об астрологе Мустаэддине», «Хождение Трифона Коробейникова» и «Повесть о новгородском белом клобуке», а также «Объявление» о переговорах Емельяна Украинцева о заключении мира с Турцией 30 июля 1700 г. и вышски из газеты «Ведомости» 1701, 1703, 1711 и 1712 гг. Рукопись в целом представляет большую ценность как материал для изучения литературных интересов читателей из демократических слоев XVIII в. Сборник этот не был использован М. Н. Сперанским в его труде «Рукописные сборники XVIII в.» (М., 1963).

⁵ На бумаге с частью филигранны «герба Амстердама», близкий № 59 (1692 г.) у А. А. Гераклитова (Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963).

Начинается список «Беседы» в рукописи ГАКО № 1752 следующим заглавием, писанным киноварью: «В лето 7180 месяца ноемвриа во 12 день. Беседа преосвященнаго Паисиа Лигаридиа, митрополита газскаго, иеромонаха Епифаниа, иеромонаха Симеона Полоцкаго с Николаем Спатарием».

Встреча и беседа происходили во время трапезы в каком-то доме, куда пришел Спафарий.

Беседа велась на латинском языке. Во время беседы Полоцкий потребовал от Спафария, чтобы последний дал ему ответ на один вопрос «славянским языком, да и прочии знают». На это Спафарий ответил: «Не знаю аз славенски беседовати, глаголи со мною латински» (л. 236). Патриарх Досифей в одном письме в Москву указывал, что Спафарий знает славянский язык, добавляя, что «и русский может скоро выучить», но, очевидно, Спафарий и славянский язык знал недостаточно хорошо, а русского разговорного языка не знал вовсе. Сам Спафарий в письме к А. С. Матвееву из Сибири в 1675 г. сообщал, что пишет по-русски для того, «что хочу учиться языку и письму».⁶

Употребляется в беседе и греческий язык. На нем обменивались замечаниями Спафарий и Паисий Лигарид.

Добавление «да и прочии знают» в приведенном выше требовании Полоцкого указывает, как можно думать, что во время беседы присутствовали, кроме самих беседовавших, и другие лица, может быть, кто-либо из ученых старцев Чудова монастыря и учеников Полоцкого (например, Сильвестр Медведев). Кто-нибудь из них переводил разговор беседующих на славянский язык с помощью Полоцкого и Епифанья и вел запись. А возможно, это делал и сам Полоцкий, судя по одному замечанию в тексте «Беседы» о переводе им на «славянский» язык сделанного Паисием «латински» толкования церковного песнопения (антифона, л. 233 об.).

Основное содержание беседы — рассуждения участников по разным схоластическим богословским вопросам. Но начался разговор не с богословского вопроса, а с замечания Спафария, озябшего от ноябрьского холода и затем согревшегося: «Движение творит теплоту», и подтвердил он это тем, что при «движении» дерево и железо «не точию согреваются, но и огонь изводят». Полоцкий тут же возразил, что не самим «движением», но «сопритрением единого ко другому», что железо и дерево «имут огонь в себе», объяснив это учением о четырех стихиях. Далее Спафарий не мог дать ясный ответ и на вопрос — «како огонь в железе содержится». Заключил разговор об этом Епифаний, объяснив, что огонь в железе содержится «множеством или силою», почему при трении или ударе из железа и может «известися» огонь.

Заслуживает внимания не столько самая суть этого разговора, а то, что уже в начале встречи между участниками ее завязалась полемика. В дальнейшем, при обсуждении богословских вопросов, полемический характер беседы проявился еще отчетливее, беседа превратилась в некое состязание участников, «нечаянное состязание», как определил ее Паисий Лигарид.

Определенной темы, какого-либо плана беседа не имела. Вопросы, затрагивавшиеся в беседе, касались основных догматов христианской религии: троичности божества, двойственной природы Христа, об ангелах и др. И здесь интерес представляют не самые вопросы, а положение

⁶ И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России, стр. 7.

и роль беседующих, впервые, может быть, встретившихся вместе. Сначала Паисий Лигарид, а затем Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий обращались с вопросами к Спафарию. Со своей стороны и Спафарий пытался задавать вопросы; на них отвечал Епифаний, который в беседе выполнял роль авторитетного разъяснителя; заключения его никем не оспаривались.

Положение Николая Спафария было довольно затруднительным. Его образованность была схоластической, но все-таки имела светский характер. Богословие он знал постольку, поскольку в средние века наука и образование были проникнуты богословским содержанием, но специально богословия он не изучал. На это во время беседы указал Паисий, а Спафарий подтвердил это: «Такое есть» (л. 233а). Между тем ему приходилось отвечать на вопросы «присных» богословов, какими были остальные три собеседника. На помощь Спафарию иногда приходил Паисий Лигарид, на что ему заметил Полоцкий: «Вскую, владыко, наставляеши, сам да ответствует» (л. 235).

Цель, какую преследовали Епифаний и Полоцкий в своих казуистических вопросах к Спафарию, была, думается, не в том, чтобы проверить чистоту православия в религиозных верованиях Спафария. Надо предполагать, что им были известны письма, в которых патриарх Досифей рекомендовал царю Спафария как человека с строго православным образом мыслей.⁷ Скорее всего Полоцкий и Епифаний пытались выявить способность Спафария именно к словесному «состоянию», к умению разбираться в логических построениях и с помощью логики опровергать выводы противника. Недаром, когда Спафарий не мог опровергнуть силлогизм Славинецкого в вопросе о триничности божества, Епифаний заявил ему: «Аще ли по образом философским и богословским не веси ответити, не имам тим с тобою глаголати» (л. 233а). То же в сущности произошло и с силлогизмом о «совершенстве» Христа, с которым Полоцкий также обратился к Спафарию (л. 236).

Один из вопросов, адресованных Спафарию, касался догмата католицизма об исхождении святого духа от бога отца и сына. Полоцкий спросил об этом Спафария из желания, как он указал, «како мы, благочестивии, имама римляном ответовати на сие» (л. 235). Спафарий не мог ответить на этот вопрос, и ему был дан срок, «да добре помыслив, ответ сотворит». Далее, когда речь зашла о латинских терминах в богословии, Спафарий заявил: «Аз греческия слушах богословии, не латинския, того ради не вем терминов латинския богословии». На это Паисий Лигарид неожиданно заметил: «Что глаголеши, господине Николае? Едина есть богословия греком и латином».

Все это, по-видимому, является отражением той борьбы с «латинством», которая в то время волновала московских церковных деятелей, а позднее распространилась и захватила и светских людей. Что касается Паисия, то его реплика, может быть, вызвана была попыткой несколько оправдать себя в своих прежних связях с «латинами».

Беседа названных деятелей представляет непринужденный разговор, сопровождаемый живыми замечаниями, выражающими как мнения, так и эмоции его участников. К тому, что приводилось выше, укажем еще некоторые примеры. На замечание Паисия: «Нечаянное се состязание» Полоцкий ответил: «Яко нечаянное, того ради приятн[ей]шее»; на это отозвался Спафарий: «Оубо смерть нечаянная приятн[ей]шая?» (л. 233а об.). Или спор Полоцкого с Паисием по вопросу о различии

⁷ См: там же, стр. 4.

«разума духовного и письменного», закончившийся следующими репликами: «Газский: „Покажи ми сие в писаниях“. Симеон: „Рад показати“. Газский: „Даждь ми на сем руку“. Симеон рече: „Довлеет и слово“» (л. 234 об.). Далее упоминание Паисия о «великом Аполлоне» и замечание Спафария: «Не вся может человек знати» (235 об.). Замечание Полоцкого на вопрос Спафария об умерших «душах»: «На се не ответую, да не от вопроса единого на другой прескочим» (л. 234 об.). Наконец, просьба Спафария, доведенного до изнеможения вопросами Полоцкого: «Довольно ми есть глаголати, глава ми изнемогает» (л. 236 об.).

Своим содержанием, легендарно-религиозным характером обсуждаемых вопросов, их трактовкой «Беседа» в какой-то степени сближается с произведениями «отреченной» литературы. Церковным властям она должна была казаться даже опасной, могущей породить сомнения у верующих, не искушенных в вопросах религиозной догматики. Поэтому не только распространение, но и чтение «Беседы» верующими вряд ли могло быть одобрено духовными властями, подобно некоторым алокрифическим произведениям. Не потому ли до сих пор не обнаруживается даже в крупных рукописных собраниях ни списков «Беседы», ни ее публикаций в дореволюционных изданиях?

Остается добавить, что «Беседа» замечательна как письменный памятник, вносящий новый, не известный доселе, факт в биографии Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Паисия Лигарида и Николая Спафария — писателей, ученых и общественных деятелей второй половины XVII в. В этом ее и историческое, и историко-литературное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО, ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО, ПАИСИЯ ЛИГАРИДА С НИКОЛАЕМ СПАФАРИЕМ В МОСКВЕ В 1671 г.*

В лето 7180, месяца поемвриа во 12 день. Беседа преосвященнаго Паисия Лигарида, митрополита газскаго, иеромонаха Епифания, иеромонаха Симеона Полоцкаго с Николаем Спатарием. Сиде:

Прежде трапезы абие вегда прииде Николай в дом беседе и сед во одежде теплей согрися зело, того ради совлекая ю с себе рече: «Движение творит теплоту». Симеон: «Не во всех», — рече. Николай рече: «Се древо и железо движением не точию согревается, но и огонь изводят». Симеон рече: «Не самым движением, но сопритрением единого ко другому. Сия же суть от четырех стихий. Того ради имут огонь в себе». Николай рече: «Вскую железо хладно, аще имать огонь в себе?». Симеон рече отвеща: «Яко в нем стихия хладная преобладает». И приложи Симеон вопросити Николая: «Рцы ми, како огонь в железе содержится?». Отвеща Николай: «Самым делом». Рече Симеон: «Аще самым делом огонь в железе содержится, но нож сей, лежащий на убрусе, сожжет ю». На се неведе Николай, что ответовати. || Исправи же его Епифаний, глаголя: «Не делом огонь есть в железе, ни, но множеством или силою, яко может притрением или ударением из него известися огонь». И престаша

л. 233
об.

* При публикации текста титла раскрыты, выносные буквы включены в строку; буквы Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ, ѵ (ижица) заменены соответственно буквами я, и, ф, е, о, и. Пунктуация современная.

о сем беседовати. Во время трапезы преосвященный митрополит даде Николаю на писме еллинским языком антифон гласа третьяго: Плода чревна и прочее, да истолкует латински и славенски. Николай рече, яко сей антифон трудный имать разум и мнози о нем трудишася, тщася ж и толковати, но не удоволи вопросившаго. По сем сам митрополит истолкова латински, преведе же на славенский Симеон и разум того антифона сказоваше, но много превшеся о сем, глаголати престаша. Потом отец Епифаний рече Николаю: «Чтем во святом Евангелии, яко три суть свидетелствующие на небеси: Отец, Слово и Дух святой. Отец есть бог, Слово есть бог, Дух святой есть бог. Убо три суть бози». Николай рече: «Три суть лица, а не три бози». Епифаний рече: «Бог отец роди бога сына, инаго от себе, убо инаго бога». Николай: «Роди ино лице, а не инаго бога». Епифаний: «Аще || роди не инаго бога, убо роди инаго бога».^а Николай: «Се есть софисма, но како доводится, яко роди инаго не бога». Епифаний zde от логики положи аксиома, но Николай не хоте^б отвещати, яко не можаше. Паки Епифаний по образу философскому распусти довод свой, но он и тако не може отвещати. Тогда рече Епифаний: «Аще ли по образом философским и богословским не веси отвещати, не имам тим с тобою глаголати». Ту преосвященный митрополит Паисий рече: «Что вы богословски Николая вопрошаете. Прежде вопросити его, егда слуша он богословии». Рече Николай: «Тако есть». Та же Николай начат вопрошати Епифания: «Что есть ангел и кое служение имать». Епифаний даде определение и показа род и разствие и рече быти его дело, еже служити богу. Николай: «Дионисий святой пишет, яко четыре вышнии чинове выну предстоят господеву. Апостол же Павел именует вся быста служащие силы, како себе не противни?» Епифаний: «Вси суть чинове служащие. Едини служат несредственно, вышнии нижних просвещающе служат». И приложи Газский: «Нижнии служат || по чину, вышнии паче чина». К сим не приложи Николай вопрошати. Но Епифаний вопросы его: «Како ангели между собою глаголют, безплотни суще?». Николай рече: «Благодатию божию». Епифаний: «Что се знаменует, еже глаголеши „благодатию божию“»? На се Николай не знаяше, что отвещати. Зде Симеон рече: «Аще глаголют благодатию божию, то всегда глаголют, ибо всегда благодать имут. И ничто же друг от друга имать тайно, ибо вси всегда во благодати суть». На то ничто же отвещал Николай. По сих словесех рече Газский: «Нечаянное се состязание». Симеон рече, яко печаянное, того ради приятн[ей]шее.^а Николай рече: «Убо смерть нечаянная приятн[ей]шая? Глаголем о нечаянных радостных, а не печальных». И престаша о сем глаголати. Потом Симеон вопроси Николая: «Желаю, господине, ведети, како в нынешнем евангелии глаголемое есть истинно вемы, яко во аде несть любовь, но ненависть. Обаче Христос господь рече, яко богатый сый во аде, проси отца Авраама да пошлет Лазаря в дом отца его к пяти братьям увещания ради, во еже бы им не приити на то место мучное. Се во аде сый яви любовь ко братии в мире жившей». Николай даде ответ: «Се несть история, но притча». Симеон: «Аще и притча есть, но имать правды образ. К тому || мнози отцы святии историю быти поведуют. Убо даждь ми ответ, яко о истории». [Н]иколай никако же на то хотя ответовати, ибо рече притча се, а не история. Газский рече, яко полма притча, полма история. Симеон: «Зде число пяти братьий ничто до притчи належащее являет, яко история, а не притча». Газский рече: «Аще за пяточислие братии глаголеши

л. 233 а

л. 233 а
об.

л. 234

^а Так в ркп. По-видимому, должно быть инаго не бога, как следует из ответа Николая. ^б Так в ркп. ^а В квадратных скобках восстановленные нами части слов.

не притчу, прости глаголеши, то и пять мужей самаряныне, от Христа реченных, не приточне разумеется». Симеон: «Ей, не приточне, но письменне». Газский рече: «Святини отцы толкуют инии о пятих книгах Моисеевых, инии о пяти чувствах убо притча». Симеон рече: «Отцы святини голкуют разумом духовным, а Христос господь рече прости письменным разумом». || Газский: «Покажи ми сие в писаниих». Симеон: «Рад показати». Газский: «Даждь ми на сем руку». Симеон рече: «Довлеет и слово». Тогда рече Епифаний: «Вскую далече отбиваетея от слова предложенаго. Се хошет Симеон слышати, аще во пристанищи сущим есть заслуга». Рече Симеон: «То ми есть слышати потребно». Возгласи Николай: «Повеждьте ми, еда уже души святых суть на небе и грешных во аде». Отвеща Симеон: «На се не ответую да не от вопроса единого на другой перескочим. Даждь ми ответ на мое вопрошение, и тогда вопрос твой разрешится». Николай рече: «Еще святых души не в небе, ни грешных во аде». Рече Симеон: «Поне о ангелех рцы ми, сущих уже в небе». || Николай рече: «Что ми о ангелех глаголати, хошу о душах». Симеон рече: «Где убо суть души, в пути ли или в пристанищи». Николай рече: «В пристанищи». Симеон рече: «Что есть пристанище?». На то не може Николай отвещати, даже настави его Газский глаголя, яко души суть в пристанищи несовершенном. Симеон рече: «Вскую, владыко, наставляеши, сам да ответствует». По сем престаша о настоящем беседовати. Бывшу молчанию на мале, паки вопросы Симеон Николая: «Желаю научитися, како мы благочестивии имамы римляном ответовати на сие: Того ради сын есть образ отец, яко от отца есть исходит. Оубо того ради и дух святой есть образ отец и сыновен, яко от отца и сына исходит есть». Николай рече: «Кто глаголет духа святаго быти образом отчим и сыновним?». Рече Симеон: «Тако глаголет Василий святой и || инии учителя восточнии». Ту рече Газский: «Истинно се, яко Василий Великий глаголет». Приложи Епифаний, яко и Дамаскин тажде утверждает. Тогда Николай рече: «Неудобный сей вопрос разрешению». Приложи Газский: «Аще разрешиши, будеши ми великий Аполлон». Рече Николай: «Не вся может человек знати». На то Николай: ¹ «Аще если богослов праводерный, то сие должно ти ведети». Паки Николай: «Несть леть единому вся ведети». Ту рече Епифаний: «О велия се трудность, лучше дадим ему, отче, срока да добре помыслив, ответ сотворит». Рече Симеон: «Буди срок, да добре ответует». || По немногим молчании паки Симеон рече: «Хошу, господине Николае, да речеши, како Христос есть совершен человек, понеже лица или ипостаси человеческия не имать». Николай, се услышав, рече: «Како лица не имать человеческа?». Симеон рече: «Едино бо токмо лице бога Слова во Христе господе». Тогда Николай обратися к Газскому, вопросы гречески, едино ли лице во Христе господе. И научи ево Газский, яко едино есть. Он же, Николай, точию рече, яко не мощно бе двома лицема быти. Рече Симеон: «Даждь ответ славенским языком, да и прочии знают». Он рече: «Яко не знаю аз славенски беседовати, глаголи со мною латински». Рече Симеон: «Даждь ми ответ о совершенстве, се тебе силлогисм: [Т]ого ради аз есмь совершенный человек, яко имать естество человеческое и лице, но Христос господь не имать лица человеческого, точию бо естество имать человеческое, убо несть совершен человек». Зде рече Епиф[аний]: «Господине Николае, персоне то же у латин, что суппозы того суббыстенция,² а гречески ипостасис». || Рече Николай: «Аз гре-

¹ Так в ркп. По-видимому, описка Может быть, надо Симеон.

² Так в ркп.

ческий слушах богословии, не латинския, того ради не вем терминов латинския богословии». Рече Газский: «Что глаголеши, господине Николае? Единая есть богословия греком и латином». Рече Николай: «Довольно ми есть глаголати, глава ми изнемогает». И престаши. Но сам абие воспомяну о ангелах: «И то, рече, ведети достоин, яко ангели видими бывають во плоти, како ядят?». Рече Епифаний: «Оустрают себе плоть от аера, а ядят не животне, точию являют ясти». И рече Николай: «Како и Рафаил глаголет: „Кто еси являхся аз вам ядый и пийй, но аз имам“ и прочее». Зде Симеон рече: «А Христос господь, како по воскресении яде с учениками своими, истинно ли или не истинно?». Рече Николай: «Истинно». Симеон паки рече: «Аще истинно яде, то не име телесе прославленнаго и нетленнаго, но тленное, ибо пищею и питием тленная плоть питается, а не нетленная. Аще не истинно, то не бяше уверение истиннаго воскресения». На то Николай ответовати не можаше. || ...^с л. 237 [и]мать дво... приимати, и к stomachу пресы гое еже варитися пици и во кров[ь] ... обращатися. Въ ядении убо Христо[вом] первое токмо бяше, ибо воистину ... приимаше и к stomachу пресылаше; [вто]-рое не бяше во Христе, ибо плоть прославленная не требует пици». Вопросы Симеон: «Како та пища от stomachа Христова обратися?». Ответ даде Епифаний: «Различно глаголют богословцы. Едины, яко Христос господь силою си божественною во ничто же обрати, и инны, яко во стихия обрати».

По сих беседе конец с прощением друг ко другу.

(ГАКО. *Собрание рукописных книг. Ркп. № 1752, нач. XVIII в., лл. 233—237*).

^с Верх и левый верхний край листа отрезаны с утерей двух или трех строчек. Точками отмечены утерянные слова и части слов.